

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОР СИЛЫ

Из книги М. Г. Делягина “Человечество за порогом: Темные века или новый коммунизм?”

Взлет в мировые лидеры Британии и сохранение ее исключительной, глобальной роли (признаком чего служит даже пресловутый *Brexit*) – урок всемирно-исторического значения.

Эта страна (в отличие, например, от России) никогда не располагала исключительными ресурсами. Уголь был значим, но не более. Еще в начале XVIII века она не обладала ни колониальной мощью Испании, ни военной – Франции, ни экономической – Нидерландов; подорванная полувеком революций и войн, политически нестабильная и раздираемая религиозными конфликтами, она была просто бедна. За счёт чего же она менее чем за век обрела могущество, стала “владычицей морей” и пионером промышленной революции?

Ключевыми факторами успеха Британии стали развитие науки и демократизм власти, позволивший применить её достижения.

Истребление элит и открытый характер их пополнения

Источник **внутренней демократичности** власти (не мешавшей абсолютной жестокости к социальным низам) – война Алой и Белой розы (1455–1487 годы), вспыхнувшая сразу после поражения Англии в Столетней войне. Беспощадное уничтожение противников привело к тому, что, как во Франции после Ватерлоо, воевать стало некому. Английская аристократия истребила друг друга и разорила страну. Погибли почти все принцы крови обеих боровшихся династий, почти все аристократы, рыцари и служилое сословие в целом. Общее число убитых оценивается в 105 тыс. чел. – около 3,75% населения Англии.

Богатства истребленной аристократии и рыцарства достались в основном торговцам (в том числе небольшой части рыцарей, уклонившихся от войны ради выживания и занявшихся торговлей, и разбогатевшим на спекуляциях крестьянам), которые стали покупать дворянские и аристократические титулы. Как писал в 1701 году руководитель английской разведки Даниэль Дефо, автор “Робинзона”, в поэме “Чистопородный англичанин”: “При чем тут рыцари – их нет у англичан! Бесстыдством, золотом тут куплен пэров сан!” Эта наиболее умная часть общества (кровопролитная война оказалась мощным инструментом социального отбора) стала опорой династии Тюдоров; нынешняя аристократия – в основном их потомки.

Истребившая сама себя старая феодальная знать не могла противостоять формированию абсолютизма, который был по сравнению с ней прогрессивной организацией власти. В результате переход к нему произошел быстрее и проще, чем во Франции или Испании. Абсолютизм опирался на мелких и средних дворян (в том числе бывших торговцев), сражавшихся в войне не за убеждения и даже не против врагов, а за покровительство “своего” лорда-протектора, – на место которого после самоистребления феодальной знати пришел король. Поэтому влияние парламента, большинство в котором составили такие дворяне, снизилось, а власть короля окрепла.

Следствие войны Алой и Белой розы – развитие такого важного фактора конкурентоспособности, как спецслужба. “Секретная служба... получила не виданное прежде развитие... Генрих VII Тюдор... чувствовал себя... непрочно на престоле. Чтобы иметь исчерпывающую информацию о... своих врагах, он создал... разведывательную организацию... Люди... на секретной службе... делились на четыре группы. Первая... – секретные агенты, которыми обычно были резиденты (английские дипломаты и купцы¹), занимавшие... высокое положение в... стране или области, где они проживали. Ко второй... принадлежали “информаторы” – ...люди из низших слоев общества, нанимаемые для добывания... определенных сведений. Третью... составляли профессиональные разведчики, которым поручалось... следовать за определенными людьми, выявлять их связи, если нужно – организовывать их похищение. К четвертой группе относились профессиональные шпионы... прикрывавшиеся какой-либо респектабельной профессией... дававшей предлог для переезда... и обеспечивавшей... доступ в круги, которые обладали нужными сведениями”².

Но главное следствие войны Алой и Белой розы – **жесточайший дефицит элиты** в целом, создавший в Англии уникальный социальный механизм: мелкое и среднее сельское дворянство (джентри), в отличие от континентального, было открытым сословием, пополнявшимся из купцов и богатых крестьян. Торговцы, более всех выигравшие от войны, не в порядке исключения и с нарушением правил, а открыто, законно и массово пополняли ряды дворянства.

Таким образом, опираясь на мелкое и среднее дворянство, абсолютизм опирался тем самым и на купцов, и на разбогатевших крестьян, расширив свою социальную базу до непредставимых на континенте масштабов. Это обеспечило внутренний демократизм английской элиты – и, соответственно, ее эффективность.

Форсировало это и развитие рынка, так как новое английское дворянство выросло из него (пусть даже и в форме спекуляций на выморочном послевоенном имуществе) и было вскормлено им, а не враждебно противостояло ему (в отличие от континентального).

При этом, **пусты и с кардинальным персональным обновлением**, в Англии сохранился **аристократия** как социальный механизм – значимый и устойчивый **слой, ассоциирующий себя со своей страной, связывающий с ней будущее своих потомков, свободный от изнуряющей и развращающей борьбы за выживание** (пусть даже и социальное, а не физическое).

Эти качества превращают аристократию в стратегический фактор конкурентоспособности, единственный социальный механизм, гарантирующий общество от саморазрушения из-за возникновения олигархии с её самоубийственным эгоизмом.

“Новое дворянство” как локомотив капитализма

Лишённое всякой сдерживающей силы (феодальная аристократия была истреблена, а островное положение и бедность Англии гарантировали от внешнего вторжения), развитие капитализма приобрело зверский характер, форсировав процесс “огораживания”. Богатые землевладельцы (те самые джентри) сгоняли крестьян с земли, превращая её в огороженные пастбища для овец. Продавать шерсть в Нидерланды, а затем на суконные мануфактуры Англии было выгоднее, чем зерно, и “овцы съели людей”; для увеличения масштабов пастбищ крестьян выгоняли и из домов.

Впрочем, зверства “огораживания” сильно преувеличивались, в том числе современниками. После разрухи, вызванной чумой 1348–1349 годов и войной

Алой и Белой розы, Англия лежала в руинах, и еще в 1520-х годах “земли было больше, чем людей”; общий дефицит земли появился лишь в 1550-е годы; было огорожено (выведено из долевого владения в частную собственность отдельных владельцев) около 45%, а за весь XVI век огородили еще не более 2,5% всех английских земель.

Конечно, болезненность “огораживаний” могла быть качественно усилена тем, что с развитием капитализма им подвергались наиболее плодородные, близкие к рынкам сбыта и населённые земли (так что на 2,5% земель могло собираться 10% урожая и жить 20% крестьян, а то и больше). Кроме того, с земель сгоняли незаконно занявших их за годы разрухи, которые возделывали их иногда поколениями, – и этих сквоттеров никто не считал.

Однако более важным фактором обнищания стал поток серебра после открытия Америки Колумбом, который обесценил его во всей Европе и привел к “революции цен”³. Так, за 1510–1580 годы в Англии цены на продовольствие выросли втрое, на ткани – в 2,5 раза, что обогатило торговую буржуазию и “новое дворянство” при разорении крестьян и не занимавшихся спекуляциями или созданием производств землевладельцев, чьи доходы были фиксированы⁴. Это объясняет то, что земельная собственность джентри росла в том числе за счет собственности крупных лордов, и именно джентри стали главными выгодоприобретателями распродажи имущества секуляризованных в XVI веке монастырей.

Таким образом, капитализм развивался не только через “огораживание”, но и недооцениваемую “инфляционную революцию”, которая не менее эффективно разоряла крестьянство.

Когда вызванное этим массовое бродяжничество стало проблемой, за него ввели смертную казнь, обеспечив приток крайне дешёвой рабочей силы на мануфактуры и в поместья новых дворян, а затем и на флот, несмотря на его каторжные условия. (Правда, часть бродяг гуманно загнали в работные дома, создав крайне пригодившееся после изобретения паровой машины разделение сложного труда на простейшие операции, но, несмотря на создание первого работного дома в Брайдуэлле еще в 1556 году, распространение в Англии они получили лишь после 1631 года). Общее число казнённых за бродяжничество в XVI веке оценивается в более чем 160 тыс. чел. – в полтора раза больше числа убитых в войне Алой и Белой розы.

Длительное беспощадное подавление бедных, истребление асоциальных не по своей вине элементов, поощрение и защита богатства стали методами социальной инженерии, сформировавшей английский национальный характер – законопослушный, упорный, патристичный, гордящийся властью, уважающий права соотечественников и отрицающий права остальных. Этот характер стал самостоятельным фактором конкурентоспособности; он хорошо иллюстрирует применительно к нации притчу об английском газоне, который надо подстригать каждый день 300 лет подряд.

В результате развития капитализма при отсутствии феодальной реакции английское крестьянство было уничтожено как класс, деревня форсированно перешла на капиталистические рельсы, но главное – сложился открытый характер формирования элиты, при котором успешные торговцы и богатые крестьяне становились дворянами. *Естественно, по мере их укрепления возник объективный конфликт с абсолютизмом, увенчавшийся Английской революцией 1640–1660 годов, главной движущей силой которой стало имеющее прочный экономический фундамент “новое дворянство” – джентри.*

Банкирские дома как ускоритель прогресса

“Новое дворянство” вступило в союз с банкирскими домами, финансируемыми торговлю и занимавшимися обменом денег и ростовщичеством. Они возникли в итальянских городах-государствах, прежде всего Венеции (а также в Генуе и Ломбардии); уже в первой трети XIII века они, как отмечал А. И. Фурсов, “опутали долговой сетью значительную часть Европы”, разжигая для последующего финансирования самые разнообразные войны. Из-за укрепления Османской империи, перекрывшей сухопутный путь в Индию, прорыва в последнюю Португалии через Индийский океан и открытия Нового Света они стали переносить свою деятельность в Западную Европу – вслед за переходом туда центра деловой активности.

В 1582 году венецианская аристократия приняла решение об установлении своего контроля за Голландией, которая была одним из новых формирующихся “центров силы” Европы (альтернативные проекты предусматривали в качестве источника приложения сил Испании). Вместе с еврейскими купцами венецианцы открыли амстердамскую биржу, а в 1609 году амстердамский Wisselbank, который, как отмечал А. И. Фурсов, “контролировался 2 тыс. депозитариев и был главным в Европе до первых десятилетий XVIII в. ... когда пик Голландии в мировой торговле остался на полстолетия в прошлом”.

Венецианцы первыми признали Голландию в 1619 году, но начавшаяся годом ранее Тридцатилетняя война показала её уязвимость. Кроме того, венецианцы вынуждены были конкурировать в Голландии с опередившими их евреями-маранами (криптоиудеями), бежавшими туда из Испании и Португалии в конце XVI века.

А. И. Фурсов указывал: “Единственной альтернативой Голландии была Англия – мало того, что остров... но государство с... потенцией превращения в ядро североатлантической мир-экономики. К тому же... Англия была уже подготовлена венецианцами в качестве запасной площадки – они работали над этим с конца 1520-х годов...”.

Венецианские финансисты (вместе с еврейскими банкирскими домами, в которых они со временем растворились) во многом сформировали английскую элиту, оплодотворив косную и некультурную среду “новых дворян” богатейшей и изощрённейшей политической и интеллектуальной традицией Венеции (и иудаизма).

О глубине преобразования ими (и объективными требованиями того периода истории) Англии свидетельствует стремительное и драматическое изменение английского языка, за какие-то сто лет превратившегося из богатого и изысканного языка Шекспира в идеально упрощенный язык торговли и управления.

Финансисты использовали в Англии (как и везде, как и всегда) имевшуюся власть, делая при этом особую ставку на способные сменить её под их контролем перспективные политические силы. Поэтому в Английской революции 1640–1660 годов они поддержали парламент, бывший оплотом джентри (тем более что Елизавета I взяла под полный контроль чеканку монет и в целом денежное обращение, вызвав неприятие финансистов). Оплачивая Кромвеля в ходе гражданской войны, финансисты после его победы взяли под контроль всю хозяйственную жизнь Англии.

В частности, они захватили квадратную милю в центре Лондона и добились ее особого статуса. И сегодня “Лондонский Сити... имеет... признаки суверена над... властями Великобритании. Премьер-министр Великобритании должен в течение десяти дней приехать в Сити, когда Корпорация Сити... просит его о встрече. Если в Сити хотят видеть монарха, то он должен явиться в течение недели. Ежегодно министр финансов выступает в Гилдхолле (здание ратуши) и резиденции лорд-мэра, где он отчитывается... как служит интересам финансов. Британский монарх может попасть на территорию Сити только с разрешения лорд-мэра. Порядок въезда на территорию лондонского Сити выглядит так. На границе Елизавету II ожидает лорд-мэр Сити с полицейскими, оруженосцем и жезлоносцем. После преклонения перед Жемчужным мечом (Pearl Sword) королева может въезжать в город”⁵.

От союза монархии и джентри – к союзу парламента и купцов

Экономическое процветание Англии в первой половине XVII века было неустойчивым, так как после запрета вывоза необработанной шерсти опиралось на единственный предмет экспорта – шерстяные ткани (составлявшие более 80% экспорта). Английские купцы нуждались в защите от голландских конкурентов, правительство – в повышении налогов; результатом стало усиление протекционизма.

Навигационные акты, издававшиеся с 1651-го по 1673 год (то есть и при республике, и после Реставрации, которая не мешала бизнесу), устанавливали, что импорт может доставляться в Англию только напрямую из страны-производителя и только на её либо английских кораблях. Это выводило за рамки английской торговли флот и порты Голландии. Нужные Европе колониальные товары (включая табак и сахар) шли в Англию, – соответственно, и колонисты

покупали всё необходимое на её рынках. Это сделало английских купцов посредниками между колонистами и европейцами, обеспечив им сверхприбыли искусственно созданной монополией.

Голландцы безуспешно пытались защитить выгодную им свободную торговлю в морских войнах 1652–1654 и 1665–1667 годов. В войне 1672–1674 годов Карл II, заручившись в обмен на поддержку католицизма союзом Людовика XIV, заставил Голландию защищаться. Голландия начала стагнировать, а Англия бурно развивалась (за первые 40 лет XVII века обороты её внешней торговли выросли вдвое, а за столетие вдвое увеличились число её кораблей и таможенные доходы) и заняла место Голландии в качестве торгового лидера Европы (став лидером и в работорговле).

Бурное развитие капитализма в силу уничтожения остатков феодальных ограничений продолжалось и после Реставрации Стюартов: Карл II вернулся в другую страну и не пытался её переделать (кроме заигрываний с католицизмом, которые дали ему союз с Францией против Голландии и субсидии от Людовика XIV, позволившие в конце правления отказаться от налогов, сбор которых регулировался враждебным ему парламентом). Сложившиеся в середине 1670-х в английской элите тори (сторонники монархии и англиканства) и виги (сторонники парламента и протестантов), борясь друг с другом, были объединены неприятием католиков и французов, а значит – и настроений Карла II. Это единство позволяло им избегать войны, что стало большим шагом к **цивилиззованному устройству государства, не ослабляемого, но лишь усиливаемого внутривполитической борьбой.**

Ставший королем после отравления Карла II ртутью в ходе алхимических опытов его младший брат Яков II (“весёлый король” Карл II, только признавший 14 внебрачных детей, не оставил законных наследников) восстановил против себя Англию за рекордные три года: народ возненавидел его за политику восстановления католицизма, элита (“новое дворянство” и финансисты) – за жёсткий курс на построение абсолютизма по французскому образцу.

Виги и тори объединились против Якова II, но нового Кромвеля не нашлось, и банковские дома профинансировали “Славную революцию” 1688 года – интервенцию Вильгельма Оранского и госпереворот. Его результатом стал Билль о правах 1689 года, помимо перечисления гражданских прав англичан объявивший вне закона любой абсолютистский режим, каким была и монархия Стюартов. Билль означал переход Англии к конституционной монархии, в которой король подчиняется законам, издаваемым парламентом, и является лишь первым чиновником государства.

Подход вигов победил, но это стало возможным только благодаря поддержке тори (получивших в качестве компенсации главенство англиканства). Результат Славной революции стал компромиссом для англичан; основанное на экономическом интересе единство элиты укрепилось, включая партнерство между парламентом и купцами, – и оказалось направлено против Франции. *Через сто лет оно сокрушит Францию, прямо организовав Великую революцию и направляя её через разветвленную сеть тайных обществ и скрытого финансирования.*

Тривиальный госпереворот в ходе интервенции зовётся революцией (да еще и Славной) не только из-за стремления к самовозвеличиванию и даже не из-за окончательного перехода от абсолютной монархии к парламентской. Её фундаментальным результатом стало окончательное формирование сохранившегося до наших дней одного из фундаментальных факторов британской конкурентоспособности: **патриотического единства управленческой и коммерческой элиты, достигаемого, несмотря на все внутренние конфликты, общим стратегическим интересом, основанным на использовании государства как своего инструмента во внешней конкуренции.**

Осознание этого единства само по себе явилось мощным стабилизирующим фактором, способствующим систематическому **компромиссу** во внутривполитической борьбе и **урегулированию внутренних конфликтов организацией внешней экспансии.**

Созданное Славной революцией новое качество английской элиты проявилось уже через несколько лет в неожиданной, но фундаментальной для той эпохи финансовой сфере.

Банк Англии как первый частный центральный банк мира

Славная революция, обеспечив единство элиты, создала необходимые предпосылки для глубочайшего преобразования финансовой системы, в результате которого купцы и лендлорды с охотой стали кредитовать правительство, контролируемое ими через парламент, а королевский долг стал национальным и превратился в локомотив развития страны. (Во Франции одалживать королю деньги было рискованным, что ограничивало кредит – этот двигатель экономики – и способствовало её поражению в борьбе с Англией.)

Разумеется, оборотной стороной этого стали сверхприбыли финансистов. Кредитуя торговлю, они стремились к её росту; когда же способствовавшие ему меры вели к столкновениям (вроде англо-голландских войн, спровоцированных Навигационными актами), они с удовольствием финансировали и войны, используя кредитование государства для расширения своего влияния на него.

Так, в 1690 году победители в Славной революции – Вильгельм III Оранский и парламент – взяли большие займы под высокие проценты для войны со сторонниками Якова II в Ирландии и с Францией – в Северной Америке. Денег в казне просто не было, как обычно бывает после революций, да ещё славных.

Девятилетняя война (1688–1697) между Францией и созданной Вильгельмом Оранским Аугсбургской лигой после превращения последнего в Вильгельма III потребовала участия Англии – тем более что Яков II бежал к своему покровителю Людовику XIV, который сразу же начал военные действия против Англии и Голландии.

Славная революция (как и мир, быстро заключенный Австрией – тогда Священной Римской империей – с Османской империей) изменила соотношение сил не в пользу начавшей войну Франции, но финансисты с обеих сторон, стремясь закабалить свои государства, исключили возможность мира.

Новые деньги для ведения активных боевых действий понадобились Англии уже в 1693 году, но финансисты отказали в них ради качественно нового уровня своего влияния: создания частного банка в качестве центрального и установления этим своего контроля за всеми финансами общества. Ситуация была настолько отчаянной, что для поиска денег создали специальный комитет палаты общин.

Предложение шотландца Уильяма Петерсона о создании Английского банка для эпохи государственно-частных компаний, когда классическое государство только начинало формироваться, не было чем-то выходящим из ряда вон: финансисты предложили королю и парламенту в своей сфере принципиально тот же механизм, который купцы уже давно использовали в торговых компаниях.

Новизна заключалась в двух факторах.

Прежде всего, объектом деятельности была не торговля с дальними странами, а финансирование государства. Обязательства частного банка были обеспечены государством (собираемыми им налогами и его вкладами в банке) и выпускались для оплаты долга правительства. Парадокс (и **смысл частного центрального банка**) заключался в том, что **любое обязательство (банкнота) Банка Англии** с момента выпуска **являлось** в конечном счете **долгом правительства** перед её держателем, – **а выпускаться она могла и без согласования с правительством**. Требование сделать банкноты Банка Англии полноценным платёжным средством, объективно конкурирующим с монетами, которые чеканило правительство, последнее поначалу отвергло с формулировкой “это зашло слишком далеко”, – но деваться было некуда. Правда, банкноты Банка Англии обладали крупным номиналом, недоступным для большинства населения, так что их появление заметила только элита.

Второй фактор новизны заключался в смене характера государства. После Славной революции оно уже отделилось от короля; сказать по примеру французского соседа нормальное для абсолютизма “государство – это я” было уже невозможно. Поэтому вхождение короля в учредительный капитал, по инерции, возможно, ещё воспринимавшееся современниками как естественное участие государства в “государственно-частном партнерстве”, на деле было участием частного лица, пусть даже и исключительно влиятельного.

Таким образом, приватизация государства нового типа, – *le stato* Макиавелли (юридически оформленного Вестфальским миром более чем через

столетие после осознавшего его становление гениального флорентийца), отделённого от королевской семьи и представляющего собой общественный, а не частный институт, — в Англии произошла практически в момент его создания.

И стала одним из факторов его будущего могущества, поскольку приватизаторы воспринимали себя как неотъемлемую часть Англии и её владельцев, не имея и не приобретая за последующие века иной идентичности, кроме английской (несмотря на свой, вероятно, пестрый этнический и даже конфессиональный состав).

Банк Англии — первый в мире частный⁶ центральный банк — был создан в 1694 году для финансирования войны с Францией точно так же, как ФРС в 1913 году был создан для финансирования Первой мировой войны. Но, если для американских финансистов XX века раздуваемая ими война была инструментом завоевания господства не только над США, но и над всем миром и представляла поэтому самостоятельную ценность, их английские предшественники использовали её в более скромных целях: лишь как способ загнать английское государство в безвыходное положение и захватить экономическую власть в Англии⁷.

Начало деятельности Банка Англии ознаменовалось провалом: для оплаты долга правительства он сразу выпустил новых денег на 760 тыс. фунтов стерлингов. Это вызвало скачок цен; за два года Банк Англии утратил платёжеспособность, что создало хаос в денежном обращении. Свободный обмен его обесценившихся банкнот на серебряные монеты создал огромные возможности спекуляций.

Денежное обращение было нормализовано титанической деятельностью Ньютона на посту руководителя Монетного двора, но утрата платёжеспособности Банка Англии создала угрозу конкуренции.

Уже в 1696 году, когда проблемы управляемого вигами Банка Англии стали очевидны, тори попытались учредить *National Land Bank* с аналогичными в принципе функциями. Будучи землевладельцами, они, похоже, предполагали внести в капитал реальный актив — землю, но, по-видимому, не знали ни о скрытом участии короля в Банке Англии (что обеспечивало его политический союз с вигами), ни о фиктивности его капитала, что делало его чисто спекулятивным и оттого более мощным в краткосрочном плане предприятием.

В силу заинтересованности короля в Банке Англии (и союза финансистов прежде всего с вигами) попытка тори не увенчалась успехом, и уже в следующем году Банк Англии укрепил свою монополию: парламент запретил создание новых крупных банков и ввёл смертную казнь за подделку банкнот Банка Англии.

Исаак Ньютон как подлинный отец Британской империи

Как отмечено выше, создание частного Банка Англии, монополизировавшего операции с госдолгом, вначале даже усугубило проблемы денежного обращения. Помимо временной утраты контроля за госдолгом, вызванным его переходом в частные руки, либерализация и общее ослабление власти после Славной революции способствовали усилению порчи монеты (не говоря о также процветавшем банальном фальшивомонетничестве), что стало самостоятельной причиной финансового кризиса.

Основной денежного обращения был серебряный шиллинг крайне низкого качества чеканки. Отсутствие ребристого ободка делало массовым срезание части монет для переплавки. Это каралось виселицей, но режим был слишком слаб, чтобы выявлять и наказывать вредителей, счет которых шел как минимум на тысячи.

Борясь с этим, правительство ещё в 1662 году начало чеканить высококачественные полновесные монеты, в том числе с надписью на ребре, что не давало обрезать их, — но их в силу сложности производства было немного, и из-за невозможности обрезки, что гарантировало полноценность, их либо сразу прятали, как сокровища, выводя из обращения, либо переплавляли в серебряные слитки и вывозили в Амстердам и Париж⁸ (так как из-за порчи монеты серебро в виде товара было дороже, чем в виде английских монет)⁹.

В результате в обращении оставались лишь обрезанные монеты все более низкого качества, что создавало угрозу коллапса торговли и производства.

Маколей в “Истории Англии” называл массовую порчу монет, затрагивавшую интересы всех слоёв, злом хуже любой измены. Падение качества денег стало одной из причин начавшихся в 1694–1695 годах массовых банкротств. По оценке Ньютона, к началу Великой перечековки около 12% серебряных денег в обращении было фальшивыми (что составляло до 10% всех используемых денег¹⁰), а у оставшихся было срезано около 48% их общего веса¹¹.

Страна с предельно расстроеным денежным обращением вела войну с Францией, где укрылся свергнутый Славной революцией король Яков II; казавшаяся реальной перспектива его возвращения с последующими тотальными репрессиями вызвала всеобщий ужас.

Для спасения Англии надо было оздоровить денежное обращение, чем занялись четыре человека, сочетание которых демонстрирует уникальность английской политической культуры¹²: ученик Ньютона Чарльз Монтегю (граф Галифакс), внесший билль о создании Банка Англии и назначенный после этого канцлером казначейства (министром финансов); Джон Сомерс – глава партии вигов, с 1697 года – лорд-канцлер Англии; Джон Локк – врач, философ, теоретик парламентаризма, с 1696 года – комиссар по делам торговли и колоний; Исаак Ньютон – автор великих “Математических начал натурфилософии”.

С министром финансов и одним из политических лидеров всё ясно, но как оказались среди денежных реформаторов философ и учёный? Почему правительство Англии обратилось за советом об оздоровлении денежного обращения к никак не связанному с ним ранее Исааку Ньютону?

Прежде всего, причина – описанная выше внутренняя демократичность английской элиты, проявившаяся в том числе в существовании Лондонского Королевского общества по развитию знаний о природе (далее – Королевского общества; Локк был его секретарем, Чарльз Монтегю – президентом в 1695–1698 годах, уступив этот пост Сомерсу, занимавшему его в 1698–1703-м) и в приглашении в него пусть и блестящего, но не знатного, не богатого и не обладающего личными связями Ньютона (*который, впрочем, позже стал его президентом, сменив Сомерса в 1703 году и пробыв на этом посту почти четверть века, до самой своей смерти в 1727 году*).

Но такое приглашение было вызвано и необычным, исключительным положением науки в тогдашнем английском обществе.

Англия: исключительная роль науки

В результате страшных и длительных социальных катаклизмов все общественные институты Англии, особенно в эпоху Реставрации, безнадежно скомпрометировали себя. И королевская власть, и церкви (и англиканская, и протестантская, и католическая), и аристократия, и суды, и парламент, и представители “третьего сословия” (выражаясь французским политическим языком конца следующего столетия) многократно публично и откровенно лгали, предавали и совершали все неблагоприятные действия, какие только можно представить, – и потому не годились на роль арбитра в столкновениях интересов внутри общества.

В результате таким арбитром стали учёные как сословие, сочетающее интеллект с определённой независимостью, вызванной оторванностью от политической и хозяйственной жизни (*традиция использования учёных в госуправлении восходила ещё к Фрэнсису Бэкону, ставшему старшиной юридической корпорации в 1586 году, генеральным прокурором в 1613-м, лордом-хранителем Большой печати в 1617-м и занимавшему высший пост государства – лорда-канцлера – с 1618-го по 1621 годы*).

Обращение власти к авторитету учёных было исключительно важным для формирования общественной морали и как признание властью наличия объективной истины и самостоятельной ценности знаний. Более того: “современники Ньютона воспринимали научные достижения учёных не... столько как... умножение... знаний... сколько как доказательство способности человека установить на Земле такой же незабываемый порядок, какой учёные уже обнаружили на небе. Не удивительно поэтому, что многие английские государственные деятели этой эпохи серьёзно интересовались наукой, а учёные... нередко назначались на высокие посты, внося в политическую жизнь... открытость обсуждения, глубину анализа, смелость и новизну подходов...”¹³.

Лондонское королевское общество, созданное в 1660 году и уже в 1662 году утверждённое королевской хартией, — живое воплощение этой тенденции и действенный инструмент её использования властью. Его форма — частная организация, существующая на субвенции правительства, — выражает уникальное организационное сочетание государственных и частных начал, ставшее одним из важнейших факторов британского превосходства.

Девиз Королевского общества — латинское *Nullius in verba* (“ничего со слов”), — означая необходимость научных доказательств любого утверждения и недостаточность традиционных не только для средневековой схоластики ссылок на авторитеты, выразило потребность новой эпохи в новых, научных источниках истины.

К тому моменту, когда правительство обратилось за советом к 52-летнему¹⁴ Ньютону, казалось, он “уже всё совершил: с разработки дифференциального и интегрального исчисления прошло тридцать лет, с теории света и цвета — двадцать, с публикации законов механики и закона всемирного тяготения — почти десять”¹⁵.

Его “основным достижением... стало объединение законов планетарного движения Кеплера, законов падения тел Галилея, концепции инерции, развиваемой Галилеем и Декартом, и... собственной концепции гравитации в единой физико-математической системе... 20 лет прошло, прежде чем Ньютон убедился в своей математической правоте... В 1687 году он сформулировал свою теорию притяжения и движения тел и описал её в эпохальном труде “Математические начала натуральной философии”, обычно известном по своему латинскому названию “Принципы” (*Principia*). Она продавалась по 5 шиллингов за копию.

Ньютон соединил вместе математические, астрономические и механические открытия века... Его описание Вселенной не требовало исправлений в течение целого века, а физика продолжала работать... до века Эйнштейна. “Принципы” были признаны произведением искусства... В отличие от Галилея, вокруг Ньютона поднялась шумиха. Он был посвящён в рыцари и избран членом Королевского общества...”¹⁶.

Таким образом, к моменту обострения денежного кризиса авторитет Ньютона был исключительным: он был самым уважаемым и известным учёным не только Англии, но и всего тогдашнего мира.

Ключевая проблема денежного обращения была проста: кому платить за замену порченной монеты на полновесную? В прошлую перечеку XVI века казна брала на себя расходы по перечеку монет, а сами они менялись по весу, то есть по стоимости сданного серебра. Это казалось логичным: государство не должно платить за нарушения закона подданными, и, раз в нормализации экономики заинтересовано общество, то и платить должно оно. Но та перечеку обернулась разорением населения: после обмена человек получал в 1,5–2 раза меньше, чем сдавал, — а долги и налоги оставались прежними. В результате обобранное население с удвоенной энергией бросилось портить уже новую монету.

Революционное решение Ньютона, поддержанное Монтегю, заключалось в оплате перечеку правительством: деньги менялись по номиналу, и даже обрезанные до половины своего веса шиллинги менялись на полновесную новую монету один к одному, — и уже в конце 1695 года парламент принял закон, потребовавший в течение месяца сдать в казну всю старую (до 1662 года выпуска) наличность — монеты ручной чеканки.

Обмен обошелся в 2,7 млн фунтов стерлингов — почти полтора годовых доходов казны¹⁷, основную часть которых пришлось одалживать у английских и голландских банкиров и купцов, заинтересованных в стабильности фунта стерлингов. Монтегю прославился прогрессивностью и гуманностью, отказавшись от восстановления налога на печные трубы (введенного в 1660 году и отменённого в 1684 после вызванного отказом от них Лондонского пожара) в пользу введения налога на окна (из-за дороговизны стекла бывшего налогом на богатых). “Чтобы оценить смелость реформаторов, можно вспомнить, что... в 1992 году... Гайдар заявил, что компенсация обесцененных вкладов потребует суммы, равной доходу бюджета за 6 кварталов. Величина... произвела на депутатов огромное впечатление, но именно такую сумму... государство выплатило англичанам в конце XVII века”¹⁸.

Перечеку монет за счёт государства простимулировала спрос и показала справедливость новой власти: она не стала наказывать всё общество за

ошибочную политику предшественников (даже ценой прощения множества невыявленных мошенников).

Логично, что автора идеи назначили её исполнителем. Возможно, при назначении Ньютона играло роль и то, что, несмотря на славу, он жил скромно (после уплаты налогов, покупки научного оборудования и книг на жизнь ему оставалось, по оценкам, 500–1000 фунтов стерлингов в месяц в ценах 2018 года¹⁹), болел²⁰, – и высокопоставленные друзья искренне думали, что нашли ему синекуру²¹.

Но результат оказался прямо противоположным.

Обмен, едва начавшись, был сорван (что вынудило впервые в Европе выпустить в обращение кредитные билеты): Монетный двор не обеспечил чеканку нужного объёма денег. Это было невозможно в принципе, – но ситуацию усугубило полное разложение работников, вызванное бездельем его директора Нила (его связи были так сильны, что отправить его в отставку, заменив на Ньютона, удалось лишь в 1699 году). В Монетном дворе царили пьянство и воровство; нормой были дуэли, чеканы порой продавали фальшивомонетчикам.

Сразу после назначения хранителем Монетного двора (должность, вообще не предусматривавшая властных полномочий) Ньютон добился от парламента диктаторских прав, вплоть до создания своей тюрьмы и сысской полиции²², а также получения прокурорских полномочий и статуса Главного обвинителя короны по финансовым преступлениям²³.

Переселение в Тауэр позволило работать почти круглосуточно (тогда Ньютон спал не более 4 часов в день). Помимо обеспечения дисциплины и войны с фальшивомонетчиками (великий учёный добился осуждения более ста и казни 28 из них, причем легендарному Уильяму Чалонеру по его настоянию на виселице повесили на грудь медные матрицы, которыми он поддельвал популярные тогда лотерейные билеты²⁴), он вникал во все технологические и организационные тонкости производства. Совершенствование технологий, открытие 5 временных монетных дворов в других городах и строительство передвижных машин для чеканки денег, удовлетворивших потребность в них “на местах” наибольшего дефицита, позволило в кратчайшие сроки нарастить выпуск денег почти в 10 раз.

Установленные им порядки были так эффективны, что английское государство достигло установленного Ньютоном уровня контроля и управляемости, по оценкам, лишь в середине XIX века! В Монетном же дворе они сохранились, по крайней мере, частично, на протяжении почти четверти тысячелетия. Так, когда в 1936 году архивы, связанные с управлением Ньютоном Монетным двором (обнаруженные в 20-х), попытались выставить на аукцион в Лондоне, они были засекречены, так как содержащиеся в них сведения о правилах работы Монетного двора могли помочь немецкой разведке.

Ньютон спас Англию менее чем за два года, ликвидировав катастрофический дефицит монет к концу 1697-го²⁵. Но созданный им лучший в мире Монетный двор стал не нужен: огромные (и крайне дорогостоящие) производственные мощности лишились загрузки.

Выходом стала чеканка серебряных монет для международных торговых компаний, прежде всего Ост-Индской, именно тогда остро нуждавшейся в большом количестве серебряных денег. Небольшие заказы такого рода Монетный двор выполнял и раньше, – но Ньютон, чтобы спасти его и обеспечить масштаб работ, добился установления цены серебра почти на 10% ниже среднеевропейской.

Сугубо конъюнктурная поначалу (по-видимому) политика, вызванная стремлением просто поддержать загрузку мощностей и спасти кровью и потом налаженное производство (не говоря о головокружительных личных доходах), крайне удачно вписала Англию в тогдашнее мировое разделение труда. Уже в 1699 году это было осознано великим ученым и его учеником – канцлером казначейства Монтегю – и стало основой финансовой стратегии Англии.

Индия, Китай и в целом страны Востока тогда торговали с Европой в основном за наличное серебро, бывшее (благодаря наибольшей распространённости из всех драгметаллов) главной мировой валютой. Для прорыва на рынки Востока и закрепления на них, для установления контроля за торговыми путями надо было щедро платить серебром, и несколько компаний-монополистов, сосредоточивших ко времени Великой перечеканки в своих руках основную часть мирового торгового капитала, испытывали постоянную нужду

в серебре, особенно в высококачественной монете. Монетный двор Ньютона, удовлетворяя их жажду (да ещё и по льготной цене, да ещё и быстро, и практически в любых объёмах), привязывал их к английской экономике. За поставку монет на льготных условиях эти компании стали предоставлять Англии льготные кредиты, обеспечившие быстрый рост её хозяйства (дополнительным фактором относительной дешевизны кредита стало поддержание дешевизны серебра).

Аналогичный вывоз серебра в торговле с Востоком и ранее использовался Венецией, Антверпеном и Амстердамом, пусть и в сравнительно небольших масштабах. Ньютон использовал старый опыт венецианских банкиров, перенесших свою активность через Голландию в Англию, в качественно новых условиях: когда мощные торговые компании, наличие свободных капиталов в Европе и уникальный баланс сил в английской политике позволили ему превратить госдолг в мотор форсированного экономического развития.

Таким образом, Ньютон поставил на службу Англии и её прогрессу, включая создание ёмкого внутреннего рынка и необходимое полноценному государству преодоление разрыва в уровне развития между центрами торговли и остальной страной (задача, решённая тогда только Англией, а в большинстве стран не решённая и сейчас!), энергию и мощь всего мирового торгового капитала. Дешёвый кредит, породив беспрецедентную деловую активность, не только преобразил страну, но и обеспечил беспрецедентно высокие налоги – около 20% ВВП. (В других европейских странах предельным налоговым бременем, грозящим социальными катастрофами, считалось 10% ВВП; попытка достичь его стала в конце XVIII века роковой для Франции. Англия же без труда собирала почти ту же сумму налогов, что и Франция с в 2,5 раза большим населением²⁶.)

Именно за создание этого механизма, когда его эффект стал очевиден – в 1705 году, – за заслуги перед государством Ньютон был возведен королевой Анной в рыцарское достоинство.

Быстрый рост экономики позволил Банку Англии начать регулярный выпуск гособлигаций, по которым пунктуально выплачивались постоянные проценты (в среднем 5% годовых).

Спецификой стремительно растущего английского госдолга стало идеальное точное обслуживание, – вероятно, вызванное тем, что король и верхи политической элиты как тайные совладельцы Банка Англии оказались на стороне кредитора, а не заёмщика, которым являлся обладавший повседневной властью парламент. Отказ короля от абсолютной политической власти (в результате Славной революции) сопровождался захватом им (при учреждении Банка Англии) части власти экономической: так “система сдержек и противовесов” в политике получила аналог в экономике. Зная, уступив торгово-финансовому капиталу весомую часть политической власти, захватила в обмен часть власти экономической и вместо борьбы с капиталом слилась с ним в единый властно-хозяйственный механизм.

Это слияние было подготовлено внутренним демократизмом английской элиты и стало основой британской мощи: энергию, которую другие нации растрачивали на внутреннюю борьбу за власть, англичане смогли направить вовне, на расширение своего влияния.

Точность и безусловность обслуживания английского госдолга перевела его в качественно новое состояние, при котором он стал самым надежным объектом вложения средств для капиталов всей Европы и тем самым для Англии – самостоятельным источником развития, влияния и богатства. Резко расширив бюджетные возможности Англии, он обеспечил её подавляющую мощь.

Уже к середине XVIII века он достиг астрономических 140 млн фунтов стерлингов и стал самым большим в мире, вызывая (как сейчас госдолг США) ужас публицистов (которые начали осознать его значение лишь к концу века) и энтузиазм кредиторов. Так, когда в 1782 году после поражения в войне с североамериканскими колониями Великобритания попросила у ведущих банковских домов Европы заём в 3 млн фунтов, ей немедленно предложили 5 млн.

Тогдашнее мировое разделение труда выглядело как извлечение странами Европы серебра из Нового Света и обмен его на Востоке на товары. Англия смогла занять уникальное положение объекта вложения всех свободных капиталов мира и получать неограниченный кредит. Последний сыграл ключевую

роль в её стремительном техническом перевооружении в ходе промышленной революции: паровые машины мог строить кто угодно, а вот средства на оборудование ими множества фабрик были только у Англии²⁷.

Систематическая недооценка серебра по сравнению с золотом (для наращивания торговли с Востоком, требовавшим серебро) вела к тому, что в Англию для перечековки в английскую золотую монету ввозилось золото (поток которого хлынул и так после установления Англией благодаря Лиссабонскому договору 1703 года фактического контроля над Португалией и её золотыми рудниками в Бразилии), а вывозились серебро и серебряные монеты. Так сложилась биметаллическая система с преобладанием золота над серебром; английский фунт стерлингов стал первой валютой новой Европы, основанной на золотом стандарте, и затем увлѣк за собой весь мир.

Однако будущее этой системы, как и в целом будущее Великобритании, было отнюдь не безоблачным.

Достаточно вспомнить потерю североамериканских колоний: проживший в Лондоне почти 17 лет Бенджамин Франклин²⁸, отстаивая их интересы и протестуя против чрезмерного налогообложения, имел несчастье объяснить представителям Банка Англии их расцвет использованием собственной валюты – “колониальных расписок”, – которые выпускались в строгом соответствии с потребностями хозяйства. В результате в 1764 году парламент Великобритании “Законом о валюте” запретил колониям выпуск своих денег и обязал выплачивать все налоги только золотыми и серебряными монетами. Франклин писал: “...За один год... эра процветания закончилась... Улицы городов заполнились безработными”. К 1775 году британская система налогообложения обескровила колонии, изъяв из них все золотые и серебряные монеты и поставив их перед выбором между гибелью и восстанием; это привело к возникновению США.

*Стоит отметить, что в июне 1776 года Людовик XVI предоставил своему агенту, великому драматургу Бомарше 1 млн ливров на финансирование войны повстанцев Северной Америки против Великобритании. Так что финансирование и, вероятно, разжигание Англией Великой Французской революции была лишь ответным ударом, – ещё раз подтвердившим чеканную формулу Макиавелли: **несмертельный удар смертелен для того, кто его наносит.***

С 1797 года война с Францией (Англии быстро пришлось противостоять Наполеону в одиночку) породила обесценивающийся бумажноденежный стандарт, сохранявшийся до 1821 года.

Но, несмотря на эти и другие кризисы, пирамида госдолга Англии, во многом созданная Ньютоном, наряду с симбиозом аристократии и предпринимателей, обеспечивающая её могущество и опирающаяся на него, продолжала эффективно функционировать и рухнула лишь в XX веке – вместе с Британской империей.

Вероятно, подобные общественные организмы, опирающиеся на общность интересов и патриотизм влиятельных элементов общества, госдолг как средство привлечения свободных капиталов всего мира, а также науку и разведку, обеспечивающие разумность управления, могут погибать лишь по внешним причинам, под ударами более эффективных и мощных конкурентов.

Частные школы: основы социальной инженерии

Необходимое условие жизнеспособности любого организма – воспроизводимость, способность продолжать себя в следующих поколениях. Социальный организм обеспечивает это условие воспитанием своих членов и подготовкой управленческих кадров (невнимание к формированию последних означает быструю смерть, что показал, в частности, пример просуществовавшей лишь три поколения советской цивилизации).

Особенно высоки объективные требования к качеству госуправления (и, соответственно, к подготовке кадров для него) империй, объединяющих разнородные территории, по-разному откликающиеся на одни и те же управленческие импульсы.

Опираясь на богатый опыт религиозного образования, Британская империя решила эту задачу созданием специфической системы воспитания элиты, включающей частные школы и университеты для элиты. Основанная на них подготовка имперских управленческих кадров стала важнейшим фактором

британского превосходства над остальным миром и одним из высочайших достижений социальной инженерии Запада²⁹.

Ключом к этой системе стали частные школы-пансионы, куда сдавала своих детей английская элита и которые в конце XIX века, в период расцвета империи, считались ее представителями “главным достижением империи и её фундаментом”.

По сути, дети элиты в интересах империи изымались из семей и навсегда становились в них лишь редкими гостями, приезжающими на каникулы. Это делалось без насилия, абсолютно добровольно – просто потому, что являлось категорическим условием сохранения их социального статуса.

В частных школах, как и в университетах, детям и студентам не давали знаний, имеющих практическое значение. Под видом бесконечной зубрежки латыни и разнообразных схоластических предметов в них вырабатывалось автоматическое, нерассуждающее послушание руководству, трудолюбие, упорство и дух соревнования. Все признаки критического мышления беспощадно выжигались, равно как и чувствительность, способность к сопереживанию, гуманизм и другие качества, противопоказанные колониальным администраторам.

Об уровне психологического насилия, которым детей превращали в “эффективных менеджеров”, свидетельствуют воспоминания второй жены Дж. Оруэлла, Сони Броуэлл: “единственная цель – целиком и полностью властвовать над каждым вздохом и каждым помыслом... Каждый ребёнок в отдельности должен быть управляем, все потаенные уголки детских душ надлежит найти и раскрыть; а для этого следует убивать в них в зародыше любую веру в то, что люди способны прийти на помощь друг другу...”

Все, кто через эту школу прошёл, безошибочно распознают её друг в друге. словно члены некоего тайного братства, они обнимают друг друга, забывают на миг зло, что им причинили, и осторожно, робкой лаской пытаются хоть немного успокоить свою боль...” (рецензия Сони Броуэлл на книгу Роже Пейрефитта “Особенная дружба”³⁰).

Несмотря на наличие неизбежного брака (о чём свидетельствует приведенная цитата, автор которой сохранил способность чувствовать), частные школы и, далее, элитные университеты представляли собой конвейер, обеспечивающий детям элиты ликвидацию эмоций, глубокую социализацию в своей среде, развитие административного интеллекта и укрепление физического здоровья.

С этого конвейера и по сей день сходят одинаковые энергичные молодые люди, свободные от содержательных знаний, но спаянные в единую касту и преисполненные единственными оставленными им чувствами – всепоглощающей преданностью (термин “лояльность” непозволительно слаб) короне и друг другу, а также глубочайшим собственным превосходством по отношению ко всем остальным.

Элитное образование Британии обеспечивало создание и воспроизводство монолитного социального слоя, резко отделённого от остального общества и даже собственных семей³¹. Этот слой с пренебрежением и презрением относился ко всем управляемым, в том числе и согражданам: их интересы для него существовали лишь в той степени, в которой могли создавать ту или иную проблему для эгоистических интересов элиты или её представителей.

Разумеется, в частных школах для мальчиков было широко распространены гомосексуализм и педофилия: старейшая и наиболее уважаемая школа, в конце концов, была даже закрыта по этой причине – правда, уже в 70-е годы. Помимо использования гомосексуальности как инструмента формирования обособленной от общества и жестокой элиты, важным было то, что до 1967 года гомосексуализм в Британии считался уголовным преступлением³². Соответственно, элитарных носителей этой ориентации дополнительно сплачивало сознание общей преступности, страх перед наказанием и, главное, ощущение своей сверхчеловечности, то есть способности и права пренебрегать общепринятыми нормами, включая мораль и закон.

Непосредственной причиной деградации и исторического поражения Британской империи стала, скорее всего, деградация управляющего слоя из-за пренебрежения системы образования содержательными знаниями³³, что по мере усложнения технологий создало перманентный конфликт между специалистами и управленцами, подобный наблюдавшемуся в Советском Союзе.

В последней трети XIX века немцы, соревнуясь с Великобританией и отстаивая свои интересы в противостоянии обслуживающему её нужды либерализму, создали науку, в том числе об обществе, как фактор национальной конкурентоспособности. Но англичане прошли этот путь раньше — ещё в конце XVII века, что и стало одним из факторов британского превосходства и британской конкурентоспособности, далеко пережившей Британскую империю и по наши дни оказывающей огромное влияние на глобальную политику и экономику.

Развитие банкирских домов, перешедших из Венеции в Англию и на рубеже XIX и XX веков вступивших в союз с молодым американским капиталом, привело с началом глобализации к возникновению качественно нового субъекта мировой истории — глобального управляющего класса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Возможно, именно с того времени всемерное и безоговорочное сотрудничество со спецслужбами и стало неписаной, но непрерываемой нормой поведения практически любого английского джентльмена — и важным фактором британской мощи.
- ² Черняк Е. М. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М.: Международные отношения, 1991.
- ³ «В XVI в. из-за огромного наплыва серебра из Южной Америки цены на основные продукты выросли в среднем по Европе в 3–4 раза. . . Экономике Испании — главной колониальной державы того времени — этот поток серебра. . . разорил, превратив воинов, крестьян, ремесленников в авантюристов, бездельников и мотов, чьи легко доставшиеся деньги обогащали не собственную страну, а нидерландских купцов» (Менцин Ю. Л. Монетный двор и Вселенная. Ньютон у истоков английского «экономического чуда». Великая Перечеканка, или Монетаризм по-английски. Ньютон и Маркс. Загадка золотой гиней. Государственный долг Англии и промышленная революция. У основания английской «финансовой пирамиды». // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4.)
- ⁴ Хилл Кристофер. Английская революция. М.: Издательство «Иностранная литература», 1947.
- ⁵ Маслов В. На поклон банкирам в лондонский Сити. ИЦ Aftershok, 1 ноября 2015 года. <https://aftershok.news/?q=node/345604&full>.
- ⁶ После национализации лейбористами в 1946 году, после войны, Банк Англии стал «публичной корпорацией» — некоммерческой организацией, обеспечивающей не прибыль, но предоставление обществу необходимых ему услуг. Акционерный капитал был передан Казначейству, а его бывшие владельцы получили компенсацию в виде гособлигаций, по сумме вчетверо превышавших номинальную стоимость акций.
- ⁷ Признаком качественного усиления финансового капитала стало создание уже в следующем, 1695 году Лондонской фондовой биржи — вторичного рынка торговли уже выпущенными акциями (тогда в Англии имелось 137 акционерных обществ).
- ⁸ Вывоз серебра в Париж не замедлялся даже во время войны с Францией.
- ⁹ Ефимов Артем. Исаак Ньютон и «Великая перечеканка 1696 года». №1, 8 августа 2017.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Roseveare H. The Treasury 1660–1870. The foundations of control. London, 1973.
- ¹² <https://sobaiinnen.livejournal.com/49288.html>.
- ¹³ Менцин Ю. Л. Монетный двор и Вселенная. Ньютон у истоков английского «экономического чуда». Великая Перечеканка, или монетаризм по-английски. Ньютон и Маркс. Загадка золотой гиней. Государственный долг Англии и промышленная революция. У основания английской «финансовой пирамиды». // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4.
- ¹⁴ Средняя продолжительность жизни в Европе составляла тогда 35 лет; правда, её сильно занижала младенческая и женская смертность, а также низкая продолжительность жизни простых людей. Мужчина-аристократ, доживший до 21 года, еще в первой половине XVI века жил в Англии в среднем до 71 года (и даже в XIII веке — до 66 лет).
- ¹⁵ Ефимов Артем. Исаак Ньютон и «Великая перечеканка 1696 года». № 1, 8 августа 2017.

- ¹⁶ Данн Ричард. Эпоха религиозных войн 1559–1689.
- ¹⁷ Эти расходы за несколько лет полностью компенсировал прирост налогов с возраставшего благодаря нормализации денежного обращения товарооборота.
- ¹⁸ Менцин Ю. Л. “Закон испорченной монеты”. “Независимая газета” 7 ноября 2015 года.
- ¹⁹ Шаров К. С. Исаак Ньютон как финансовый чиновник. “Экономическая история” <https://cyberleninka.ru/article/v/isaak-nyuton-kak-finansovyy-chnovnik>.
- ²⁰ Незадолго до назначения хранителем Монетного двора Ньютон “пережил тяжелую нервную болезнь: депрессия, бессонница, расстройство пищеварения, приступы паранойи, — вероятно, последствия отравления ртутью при алхимических опытах или самолечении”. (Ефимов Артем. Исаак Ньютон и “Великая перечеканка 1696 года”. N+1 8 августа 2017 <https://nplus1.ru/blog/2017/08/08/tao-physics>)
- ²¹ Так, Монтегю писал Ньютону 19 марта 1695 года: “...эта должность не потребует... больших затрат времени и сил, вы сможете работать столько, сколько захотите сами” [Westfall R. S. The Life of Isaac Newton. Cambridge, 1993].
- ²² Занимавшейся расследованиями финансовых нарушений и преступлений по всей стране и ставшей, таким образом, предтечей современной финансовой полиции.
- ²³ 16 июня 1696 года приказ лорда Казначейства дал Ньютону право получать сверх жалованья (как директору Монетного двора) определенный процент с каждой отчеканенной монеты, — хотя, конечно, его рвение в ходе перечеканки и последующей денежной экспансии определялось далеко не только этим [Craig J. Isaac Newton and the counterfeiters // Notes and Records of the Royal Society. Vol. 18. 1963].
- ²⁴ Т. Левенсон. Ньютон и фальшивомонетчик. О том, как величайший ученый стал сыщиком. М.: Корпус, 2013.
- ²⁵ К 1700 году, за 4 года под руководством Ньютона было отчеканено монет более чем на 5,1 млн фунтов стерлингов — в полтора раза больше, чем за предшествующие 35 лет с начала машинной чеканки в 1662 году (3,3 млн фунтов). Из оборота было изъято около 95% фальшивой и бракованной серебряной наличности [Craig J. Isaac Newton and the counterfeiters // Notes and Records of the Royal Society. Vol. 18. 1963].
- ²⁶ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1992.
- ²⁷ Менцин Ю. Л. “Закон испорченной монеты”. “Независимая газета” 7 ноября 2015 года, Менцин Ю. Л. Засекреченная встреча Петра I и Ньютона. НГ. 12 октября 2016.
- ²⁸ В 1724–1726 годах работал и учился в типографиях Лондона, в 1757–1770 годах представлял интересы сначала Пенсильвании, а потом ещё трёх североамериканских колоний в Британии.
- ²⁹ О не менее выдающихся и изощренных плодах социальной инженерии других цивилизаций, — например, Османской империи, — мы знаем nepoзвoлитeльнo мaлo.
- ³⁰ Цитируется по: А. В. Багаев. “Презумция лжи”. М., Товарищество научных изданий КМК, 2017.
- ³¹ В Османской империи похожий результат достигался созданием сословия янычаров из детей, похищенных из семей и не помнящих своих родителей и своей культуры.
- ³² В Шотландии уголовное наказание за гомосексуализм было отменено лишь в 1980 году, в Северной Ирландии — в 1982-м, на заморских территориях — с 1983-го (остров Гернси) по 2001 год (когда гомосексуализм декриминализовало большинство таких территорий: Ангилья, Британские Виргинские острова, Монтсеррат, острова Святой Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья, Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова, Теркс и Кайкос).
- ³³ Самый яркий пример пагубности для элиты бегства от содержательных знаний дала стремительная деградация российской армии после восстания декабристов. Страхась образования как источника неблагонадежности, Николай I практически прекратил содержательное обучение офицеров даже сугубо воинским дисциплинам, что стало одной из причин катастрофического поражения Российской империи в Крымской войне, на основном театре военных действий которой её армии противостоял всего лишь англо-франко-турецкий экспедиционный корпус. Правда, в Англии наблюдались схожие проблемы: средневековая практика продажи офицерских патентов была прекращена именно в результате осмысления итогов Крымской войны.